

ЭТИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37.01 : 130.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-42-47>

В. В. Варава

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация

e-mail: vladimir_varava@list.ru

Аннотация: В статье обосновывается мысль о том, что сегодняшняя система образования должна быть направлена на реабилитацию и возрождение традиционного антропологического образа человека. Это связано с тем, что в современном мире широко распространены постчеловеческие идеологии, ставящие задачу фундаментальной трансформации человека на всех уровнях (биологическом, психическом, этическом, духовном, социальном). Цель – достижение состояния, которое характеризуется такими параметрами как физическое бессмертие, идеальное здоровье, высокие когнитивные способности, модификация половой идентичности. Это означает фактическое исчезновение человека, поскольку он лишается важнейших эτικο-экзистенциальных характеристик, связанных с осмыслением своей смерти. Показана связь постчеловеческих антропологий с постмодернистскими интуициями «смерти человека». Предлагается обратиться к богатому опыту русской философии, которую традиционно называют антропоцентричной и эгоцентричной.

Ключевые слова: образование, человек, антропология, постчеловек, этика, жизнь, смерть, бессмертие, иммортология, танатология, русская философия.

Для цитирования: Варава В.В. Эτικο-антропологические основы современного образования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №4 (108). С. 42-47. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-42-47>

ETHICAL AND ANTHROPOLOGICAL FOUNDATIONS OF MODERN EDUCATION

Vladimir V. Varava

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow region, Russian Federation

e-mail: vladimir_varava@list.ru

Abstract: The article substantiates the idea that the current education system should be aimed at the rehabilitation and revival of the traditional anthropological image of a person. This is due to the fact that posthuman ideologies are widespread in the modern world, setting the task of fundamentally transforming a person at all levels (biological, mental, ethical, spiritual, social). The goal is to achieve a state that is characterized by such parameters as physical immortality, ideal health, high cognitive abilities, modification of gen-

ВАРАВА ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии, Московский государственный институт культуры

VARAVA VLADIMIR VLADIMIROVICH – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Moscow State Institute of Culture

© Варава В.В., 2022

der identity. This means the actual disappearance of a person, since he is deprived of the most important ethical and existential characteristics associated with the comprehension of his death. The connection of posthuman anthropology with postmodernist intuitions of «human death» is shown. It is proposed to turn to the rich experience of Russian philosophy, which is traditionally called anthropocentric and egocentric.

Keywords: education, human, anthropology, posthuman, ethics, life, death, immortality, immortology, thanatology, Russian philosophy.

For citation: Varava V. V. Ethical and anthropological foundations of modern education. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 4 (108), pp. 42-47. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-42-47>

Сегодня система образования призвана выполнять свою миссию, исходящую из значения самого слова – «образовать», создать по определенному образу. Разночтений в том, что такова основная функция образования, практически нет. Споры идут о том, какой образ взять за основу, что может выступить в качестве идеала, образца, эталона для формирования личности на разных возрастных этапах ее становления (ребенок, подросток, юноша, молодой человек). Несколько десятилетий философско-педагогическая, психологическая, методическая мысль билась над этим, полагая, что таким образом может быть сформирована всесторонне развитая личность, профессионал, патриот, даже «образ Божий», если речь шла о религиозных смыслах [3; 4; 5].

Все эти компоненты правомочны, они могут быть в той или иной мере реализованы в образовательных программах. Однако в последнее время произошел серьезнейший вызов традиционному образу человека со стороны «постчеловеческих антропологий», которые оформились во вполне зримую социальную, культурную и финансовую силу. Сегодня под вопрос поставлено само бытие человека в его изначальной антропологической данности вплоть до биологической и половой идентичности. Распространившаяся идеология антропоцена стремится дискриминировать человеческую исключительность, лишая ее каких бы то ни было антропологических привилегий.

Знаками постчеловеческой парадигмы являются такие распространенные явления

в западном обществе, как *иммортализм* (крионика, трансгуманизм, аболиционизм, технологическая сингулярность, дигитальное бессмертие); *биоцентризм* (глубинная экология, темная экология, антропоцен, энвайронментализм); *биохакинг* (нарциссизм, идеальное здоровье, идеальная внешность); *трансгендерные эксперименты и феминизм* (смена половой идентичности, половая асимметрия); *феноменология нечеловеческого* (ужас перед нечеловеческим миром, хоррор); *танатологическая индустрия* (биоэтика, эвтаназия, танатопатия, медийная смерть).

Все эти направления свидетельствуют о реальном *кризисе человечности* не только в моральном плане – как недостаток доброты, сострадания, милосердия, но как недостаток человеческого в антропологическом смысле. Традиционно стояла проблема взаимоотношения человека и общества, поскольку всегда была угроза растворения личности в социальной безликости государства. Но сегодня человек оказывается размыт между человеческим и нечеловеческим, прежде всего, природной окружающей средой, которая, оказывается, имеет не меньшие юридические права, чем человек.

Истоки постчеловеческих концепций уходят в постмодернистские теории о «смерти человека», означающие распад традиционного антропологического образа человека. Мишель Фуко полагал, что человек как концепт появился недавно и что ему суждено кануть в лету: «Человек, как без труда показывает археология нашей мысли, – это изобретение

недавнее. И конец его, быть может, недалёк. ... Человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [7, с. 404]. Фуко не имел в виду исчезновение человека как радикальную трансформацию его биологической сущности, но как деконструкцию концепта «человек». Вообще в XX веке произошел фундаментальный сдвиг в сторону постчеловеческого. Но постмодернизм не инициатор этого процесса, но лишь его предчувствие.

Однако этот сдвиг в сторону постчеловеческого набрал уже значительную силу, и сегодня в этих практиках речь идет уже об изменении биологической, психической, социальной и духовной природы человека. Теоретическая база этой идеологии такова. Человек в своем традиционном облике буквально устарел; он страдает такими антропологическими изъянами, как старость, болезнь и смерть, искоренить которые, не изменив человеческой сущности, нельзя. Изменение, то есть улучшение «несовершенной» природы человека, приводит к развитию таких современных «трендов», как ювенология (бесконечно долгое продление молодости), биохакинг (идеальное здоровье), иммортология (достижение бессмертия). Именно последнее направление самое распространенное и влиятельное на Западе.

Об этом говорят сами западные исследователи: «Во второй половине XX в. возникло несколько групп и движений, посвятивших себя задаче увеличения продолжительности человеческой жизни на сотни и тысячи лет или более того – по возможности навечно. ... Это крионисты, экстропианцы, трансгуманисты, сторонники теории точки Омега, сингулярианцы и адепты переноса сознания. И все они полны решимости одолеть смерть» [8, с. 135]. Автор детально описывает действия, направленные на трансформацию человеческой природы, включающие сначала такие невинные вещи как физкультура и диета, а затем – частичное и полное имплантирование «уставших» органов и частей тела. Здесь в действие вступает уже генная инженерия, которая должна привести к «морфологиче-

ской свободе» постчеловека. «И все это для того, – пишет исследователь, – чтобы взять под контроль эволюцию и трансформировать наш биологический вид в нечто более сильное, быстрое, сексуальное, здоровое, обладающее превосходящими когнитивными способностями, каких мы даже не можем представить» [8, с. 183].

Только вот вопрос: зачем?

В этой «философии» никогда не ставится философский вопрос о смысле жизни, о предназначении человека, о его духовной и нравственной сущности. Это не просто игнорируется, но считается как раз наследием архаичного, несовершенного, то есть больного и смертного человека, у которого только и может возникнуть такой «метафизический комплекс». Новый человек будет избавлен от всякой философской рефлексии, душевных переживаний и мук совести. Главное, он будет свободен от страдания – и не только от страдания в умирании от смертельной болезни, но и от страдания в самой жизни и после смерти. Это эвтаназийный тип культуры, культуры современного гедонистического потребительского общества, в котором на первый план выходит уже даже не только потребность в наслаждении, но потребность в самой потребности. Есть такая потребность, тогда есть и смысл, заключающийся в удовлетворении такой потребности. Ушла потребность – невроз, фрустрация, депрессия, экзистенциальная пустота.

Существует много причин, объясняющих это состояние глубинного антропологического кризиса. Начиная с Ницше, западная мысль в лице Шпенглера, Хейзинги, Ортеги-и-Гассета, Швейцера, Маркузе, Фромма, Хайдеггера, Бодрийара, Слотердайка и многих других создала мощный критический дискурс западной культуры, основным в котором является пропаганда заката, конца, упадка, вырождения, деградации. Можно предположить, что в основе этого кризисного состояния новая фаза экзистенциального кризиса, охватившего цивилизованное человечество. Ее можно обозначить через традиционное понятие

Taedium vitae, суть которого в пресыщенности жизнью до отворачивания. Сегодняшняя фаза этого состояния связана уже не столько с негативным отношением к жизни, сколько к человеку, к его традиционному, исторически фундированному антропологическому образу. Это состояние мы называем «усталостью быть человеком», поражающим, прежде всего, антропологические трансформации для достижения иммортологических целей [1].

Эта усталость вызвана нежеланием нести «бремя» человеческой участи, которая завязана на биологической и половой детерминации и на таких важнейших экзистенциалах, как старость, болезнь и смерть. Никакой нормальный человек не хочет болеть, стареть и умирать, это очевидно. Дело в другом: эти «предельные состояния» или «пограничные ситуации» даны человеку для духовно-нравственного роста. Избавиться от них не только невозможно (это биотехнологическая утопия), но и не нужно, поскольку это наносит ущерб самой человечности человека, его глубинной сущности, без которой он не может быть человеком.

В триаде человеческих несчастий – старость, болезнь и смерть – одна обязательна: последняя. Может не быть старости и болезни, но смерть будет обязательно. Поэтому в экзистенциальной философии именно смерть имеет первостепенное значение, поскольку лишь в ситуации предстояния перед смертью открывается подлинность жизни. Но и старость и болезнь тоже имеют свой смысл. Старость есть испытание жизни на духовную прочность: как в состоянии максимального угасания физического состояния сохранить моральную, интеллектуальную, душевную, то есть человеческую, сущность. Не впасть в мизантропию, особенно по отношению к молодому поколению, и не отравлять свою жизнь бесплодными воспоминаниями о радостях молодости.

Болезнь тоже имеет свою метафизику: если ее воспринимать не как случайность и нелепицу, а как знак, тогда перед человеком открываются такие важные для его жизни

вещи, как неслучайность своего бытия и необходимость коренных нравственных изменений, которые в «здоровом» состоянии были незаметны. Многочисленные свидетельства из истории медицины «чудесных исцелений» – показания не только невежественных богомольных старушек, но и рассказы серьезных врачей, всю жизнь проработавших в хосписе с терминальными больными [2; 6].

В этом контексте цели и задачи сегодняшнего образования сводятся, мы полагаем, к главному – защите человека, к сохранению его не только духовного и нравственного образа, но уже и биологической конституции, и половой идентичности. Антропный фундамент бытия пошатнулся, и речь сейчас идет уже о возрождении человека. Но искусственно человека не возродить, однако необходимы усилия со стороны философии. Философия всегда начинается с начала; она заново пересоздает бытие, и теперь ее время возрождать человека. Представляется, что богатейшее наследие русской философии может стать реальным теоретическим основанием для новой образовательной стратегии, цель которой – сохранение человека и защита от деструктивных воздействий постчеловеческих идеологий.

Какие работы можно рекомендовать в качестве «противоядия» от тех тенденций, которые мы обозначили выше, а именно, иммортализм, биоцентризм, трансгендерные эксперименты и феминизм, феноменология нечеловеческого, танатологическая индустрия. В качестве ближайших текстов русских философов мыслятся следующие.

Contra иммортализм: В. С. Соловьев, «Смысл любви»; «Бобок», Ф. М. Достоевский; Н. Ф. Федоров, «Супраморализм»; Н. А. Бердяев, «Самопознание»; Н. О. Лосский, «О воскресении во плоти».

Contra биоцентризм: В. С. Соловьев, «О красоте в природе»; Н. А. Бердяев; С. Н. Булгаков, «Философия хозяйства»; Е. Н. Трубецкой, «Смысл жизни»; М. М. Пришвин, «Дневники».

Contra биохакинг: И. А. Ильин, «Я вглядываюсь в жизнь»; С. Л. Франк, «Смысл

жизни»; В. И. Несмелов, «Наука о человеке»; Д. В. Скрынченко, «Ценность жизни по современно-философскому и христианскому учению»; Лука (Войно-Ясенецкий), «Дух. Душа. Тело».

Contra трансгендерных экспериментов и феминизма: В. С. Соловьев, «Жизненная драма Платона»; В. В. Розанов, «Религия и культура»; Н. А. Бердяев, «Метафизика пола и любви»; Б. П. Вышеславцев, «Этика преображенного Эроса».

Contra феноменологии нечеловеческого: В. С. Соловьев, «Оправдание добра»; Н. А. Бердяев, «Парадоксальная этика»; И. А. Ильин, «Путь к очевидности»; Е. Н. Трубецкой, «Два мира в древнерусской иконописи».

Contra танатологической индустрии: Л. П. Карсавин, «Поэма о смерти»; Л. Н. Тол-

стой, «Смерть Ивана Ильича»; С. Н. Булгаков, «Софиология смерти»; Л. Шестов, «Откровения Смерти».

Особенность этих и многих других работ русских философов в том, что в них тема человека всегда имеет первостепенное значение. Человек рассматривается во всей совокупности своих, прежде всего, этических характеристик. В результате перед нами человек в нравственной модальности: какой он есть (сущее), и каким должен быть (должное). Принципиальное отличие русской философии от различных технологий «улучшения» в том, что здесь речь идет о нравственном совершенствовании человека, который, оставаясь в своих антропологических границах, совершает непрестанное восхождение к новым духовным вершинам.

Список литературы

1. Варва В. В. Taedium vitae или иммортологическое безумие наших дней // Философия жизни и смерти в России: вчера, сегодня, завтра. Москва: Издательский Дом «Русская философия». 2020. С. 23–33.
2. Кюблер-Росс Э., Кесслер Д. Живи сейчас! Уроки жизни от людей, которые видели смерть. Москва: Эксмо. 2015. 170 с.
3. Огурцов А. П., Платонов В. В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. Санкт-Петербург: Республиканская художественная гимназия-интернат. 2004. 520 с.
4. Розин В. М. Философия образования. Москва: Московский психолого-социальный институт, 2007. 576 с.
5. Исаев Е., Слободчиков В. Психология образования человека. Становление субъектности в образовательных процессах. Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. 2013. 432 с.
6. Фредерика де Граф. Разлуки не будет. Как пережить смерть и страдания близких. Москва: Никея. 2021. 192 с.
7. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук: перевод с французского. Санкт-Петербург: А-сэд. 1994. 406 с.
8. Шермер М. Небеса на земле. Научный взгляд на загробную жизнь, бессмертие и утопии. Москва: Альпина нон-фикшн. 2019. 396 с.

References

1. Varava V. V. Taedium vitae or immortological madness of our days // Philosophy of life and death in Russia: yesterday, today, tomorrow. Moscow: Publishing House «Russkaya Filosofiya». 2020. P. 23–33. (In Russ.)
2. Kübler-Ross E., Kessler D. Live Now! Life lessons from people who have seen death. Moscow: Eksmo. 2015. 170 p. (In Russ.)
3. Ogurtsov A. P., Platonov V. V. Images of education. Western Philosophy of Education. XX century. St. Petersburg: Republican Art Gymnasium-Boarding School. 2004. 520 p. (In Russ.)

4. Rozin V. M. Philosophy of education. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute, 2007. 576 p. (In Russ.)
5. Isaev E., Slobodchikov V. Psychology of human education. The formation of subjectivity in educational processes. Moscow: Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. 2013. 432 p. (In Russ.)
6. Frederica de Graaf. There will be no separation. How to survive the death and suffering of loved ones. Moscow: Nikea. 2021. 192 p. (In Russ.)
7. Foucault M. Words and things. Archeology of the Humanities: A Translation from the French. St. Petersburg: A-cad. 1994. 406 p. (In Russ.)
8. Shermer M. Heaven on earth. A scientific view of the afterlife, immortality and utopias. Moscow: Alpina non-fiction. 2019. 396 p. (In Russ.)

*

Поступила в редакцию 23.08.2022